

зывают следующие диалектные факты: *творило* 'входное отверстие ловушки на рыбу' [КСГРС], *творило* 'лаз в подполье; погреб' (яросл.) [Даль² 4, 395], *творило* 'отверстие в специальном помещении, приспособленное для хранения овощей' [СГСРПО, 626].

В свете этих данных полеводческое обозначение *творило* может быть понято как 'надел земли, занимающий по отношению к другим участкам на поле начальное положение'.

Термин *творило* существует наряду с такими лексемами, как *головуха* 'полоса в поле у края дороги поперек всех полос' [КСГРС] < общенар. *головной* 'находящийся в верхней, передней или начальной части чего-либо' [ССРЛЯ 3, 222], *кон* 'полоса в поле – первая от межи' [КСГРС] < диал. *кон* 'начало' [СРНГ 14, 242] и реализует номинативную модель *участок земли по месту относительно других участков (на поле, покосе)*.

С. А. Толстик
Томск

История формирования концепта 'худой' в русских народных говорах

Слова, характеризующие человека с разных сторон, составляют огромный лексический пласт в русских народных говорах. В своей статье мы обращаемся к диалектным прилагательным со значением 'худой', характеризующим телосложение человека, с целью проследить процесс формирования концепта худобы в народном (диалектном) языковом сознании. Для этого необходимо охарактеризовать историю диалектных прилагательных с семантикой худобы, выяснить, какие признаки легли в основу этих лексем. Вопрос о путях и времени формирования слов является сложным ввиду ограниченности сведений о народной речи в памятниках письменности.

В современной русской диалектной системе отмечается намного больше прилагательных с исследуемой нами семантикой, чем в предыдущие этапы развития языка (около ста единиц). Возможно, данное явление следует объяснить стремительным развитием диалектной лексикографии с XIX в. Общерусскими, т. е. присутствующими как в литературном языке, так и в диалектах, являются следующие слова со значением 'худой': *жилистый, костливый, поджаристый, сухой, тонкий, тощий, тщедушный* (диал. вариант – *щадущный*), *худой*. *Костливый* и *поджаристый* в словарях русского литературного языка фиксируются с пометой «разговорное» [СРЯ² 3, 187; ССРЛЯ 10, 357].

Наличие большого числа единиц с семантикой худобы можно пояснять тем, что говоры представляют собой разносистемное явление,

имеющее распространение на широком пространстве. Наибольшее количество прилагательных со значением 'худой' наблюдается в северных и среднерусских говорах. Так, только на территории северных говоров отмечаются следующие лексемы с семантикой 'худой': *безнутрый* (Влг), *истипуций* (Костр), *копыловатый* (Яросл), *недодряглый* (Арх), *некошной* (Влг), *плёвый* (Костр, Яросл), *постный* (Арх) и др.; в среднерусских: *голенастый* (Пск), *дикий* (Пск), *жигулистый* (Влад), *истяжной* (Влад), *чаврый* (Твер) и др. Только в южнорусском наречии наблюдаются прилагательные *вихлявый* (Ряз), *диблый* (Калуж), *дробнокостный* (Брян), *капшиный* (Ворон, Курск), *подчигаристый* (Дон, Курск) и др. Исключительно в говорах вторичного образования отмечаются *дрязгий* (Ср. Урал), *замухрый* (Забайк, Сиб), *прогонистый* (Амур, Ср. Урал) и некоторые другие. Широкий ареал (на территории обоих наречий, в среднерусских диалектах и говорах вторичного образования) имеют следующие прилагательные со значением худобы: *безжизненный* (Влад, Калуж, Колым, Костр, Ряз, Яросл), *ледащий* (Арх, Влг, Нижегород, Ряз, Том), *моделый* (Арх, Влг, Дон, Олон, Он, Пск, Рост, Ряз, Ср. Урал, Тул) и др.

Большое количество диалектных единиц в значении 'худой', вероятно, следует объяснять и тем, что носителями диалектов данный признак воспринимается как расчлененный, дифференцированный. В семантической структуре диалектных прилагательных значение худобы тела наиболее часто коррелирует со следующими значениями: 'слабый, болезненный' (*замылый, либывый, млявый* и мн. др.); 'некрасивый, невзрачный' (*замухрый, ледащий, некошной, сурусный* и др.); 'плохой, дурной' (*ледащий, некошной, пиглявый, плохой* и т. д.); 'мелкий, малый' (*дробный, сурусный, щадный* и др.); 'ветхий, дырявый' (*дрязгий, ледащий* и др.); 'мертвый, неживой' (*дошлый, колеты, палый, смёртный*); 'высокий (о человеке)' (*будылястый, жигулистый, истяжной*); 'высокий (о дереве)' (*голенастый, жаровой, подчигарый, прогонистый*); 'ленивый' (*легавый, ледащий, млявый, недокуменный*); 'тонкий' (*дробный, истонкой, тонкий*); 'полый, пустой' (*безжизненный, дикий, тощий*). Реже с 'худой' в пределах одного слова в говорах сочетаются значения: 'голодный' (*изморный, постный*); 'костлявый, с выступающими костями' (*костлявый, мослистый* и однокорневые слова); 'мягкий, вялый, недозревший (о зерне)' (*млявый, щуплый*); 'сырой, гнилой' (*дохлый, моделый, мозгленкий*); мифологическое 'злой дух, черт' (*дикий, некошной, худой*); обозначение цвета (*дикий 'серый', 'красно-коричневый', сизый 'серо-голубой', 'бледный', блёклый 'бледный'*) и некоторые другие. Со значением худобы в диалектной речи сочетается и антонимичная семантика 'полный, толстый' (*дикий, дробный, озойный*), а также значение

‘прожорливый’ (*прожорливый*), ‘крепкий, сильный’ (*дикий, жилистый*). Итак, признак худобы тела в современной диалектной системе за редким исключением представлен как отрицательный.

С целью прояснить особенности формирования концепта ‘худой’ обратимся к предыдущим этапам развития русского языка. С исторической точки зрения ситуация выглядит иначе, прежде всего в количественном плане. Немногие из исследуемых диалектных прилагательных ведут свою историю с древнерусского периода. Со значением худобы в данное время наблюдаются только следующие, имеющие отрицательную коннотацию (кроме двух последних слов) прилагательные *кощий* (*кощень*), *либывый*, *сухой*, *тонкий*:

кощий: *Съхъ и кощъ и скудобрадь лицемъ*. Сл. о Дан. пр. Упыр. [СДРЯ 4, 280; СРЯ XI–XVII 7, 398; Срезневский 1, 1309];

кощень: *Чернь образомъ и соухъ тѣломъ и кощень*. Ио. Флав. [Срезневский, 1, 1309];

либывый, а также варианты *либавый*, *либевый*, *либовый*, *либывый*, *любивый*, употребляющиеся в этот период в основном относительно животных (о человеке реже): *Осташа же татаровѣ друзии у Володимѣра кормите либывѣи конѣ*. Ипат. лет. *Телесы либѣвы*. Быт. XLI по списку XIV в. [Срезневский 2, 19; СРЯ XI–XVII 8, 231];

сухой: см. пример на *кощий*;

тонкий: *Бѣ же възрастомъ средни, старъ, тонокъ*. Ио. Мал. Хрон. [Срезневский 2, 1049–1050].

Принадлежностью только диалектной системы из приведенных древнерусских слов стали *кощий* (и однокорневые) и *либывый*, остальные же получили распространение в обеих системах русского языка – литературном и диалектном вариантах. Для некоторых слов, отмечавшихся в данный период, семантика ‘худой’ вторична, ее получают прилагательные позже в говорах. Ср. *голенастый* с первичной семантикой ‘с длинными ногами’, *тощий* ‘пустой’, *дробный* ‘мелкий’ и другие.

В старорусский период сохраняются древнерусские прилагательные со значением худобы и фиксируются новые:

недородный: *А родом недородны и лицѣмъ блѣдны и сухи и черноваты*. Х. Котова, 1624. [СРЯ XI–XVII 11, 93];

подсухой: *Микита собою подсухъ, тонокъ*. Новг. каб. кн., 3, 120. 17 в. ~ 1624. [СРЯ XI–XVII 16, 64].

Слово *недородный* отрицательно оценивало худого человека, поскольку совмещало в своей семантике значения ‘худой’ и ‘малорослый’, ‘плохо уродившийся’; прилагательное же *подсухой* не обладало негативной коннотацией.

Только с XVII–XVIII вв. в значении ‘худой’ в текстах фиксируется прилагательное *тощий* (в основном относительно животного), отмечавшееся еще в древнерусском языке со значениями ‘пустой’, ‘плохой’ и др., а также *худой*, имевшее в XI–XIV вв. семантику общей и частной отрицательной оценки и значение ‘малый’. Остальные прилагательные (производные *сухощавый*, *худощавый* и заимствованное *субтильный*), фиксирующиеся с XVII–XVIII вв., сохраняются в литературном языке, но не в говорах. Они отражают изменение представления о норме телосложения, оценивая умеренную худобу тела человека положительно.

Далее рассмотрим, на какой почве складывался концепт худобы: исключительно в русском языке или под иноязычным влиянием. Большинство из анализируемых прилагательных являются исконно русскими. Заимствованные лексемы составляют лишь небольшой процент от всего исследуемого нами диалектного материала. К ним относятся следующие диалектные слова: *капшивый*, *лежавый*, *незrachный*.

Ожнорусское слово *капшивый* (Ворон, Курск), встречающееся также в диалектах украинского языка в значении ‘некрасивый, оборванный’, является тюркизмом (ср. тат. *капшобаи* ‘тонкий, узкий, худощавый’) [ЕСУМ 2, 380].

Прилагательное *лежавый* (*ляжавый*) этимологи характеризуют как полонизм, ср. польск. *legawi pies* ‘о породе собак’, которое, возможно, калькировано из франц. *chien couchant* ‘о гончей собаке’ [Фасмер 2, 473; Преображенский 1, 442; ЭССЯ 14, 183]. Первичное значение прилагательного *лежавый* – ‘лежащий’ (от **legati*, *legti* ‘лежать’). Обозначение породы охотничьих собак объясняется особенностями их поведения (залегание на месте при подстерегании птицы). Вероятно, интересующая нас семантика худобы тела у прилагательного *ляжавый* в московских говорах возникла из-за внешнего вида гончей собаки – худой, поджарой.

Слово *незrachный*, имеющее в севернорусских говорах (Арх, Костр) семантику худобы тела, судя по неполногласию, является старославянским по происхождению. Так как это слово является диалектным, не относится к книжной лексике, то трудно представить вероятность его заимствования непосредственно из старославянского языка. Очевидно, в говоры оно попало из русского литературного языка, где известен вариант *невзrachный*. Значение ‘худой’ могло развиваться из ‘некрасивый, невзrachный’.

Некоторые диалектные прилагательные со значением ‘худой’ образованы уже в русском языке от заимствованных слов. Так, например, диалектное олонекское прилагательное *сурусной* образовано от заимствованного из финно-угорских языков существительного *сурус* ‘крошка,

крупинка' (ср. олон. *suurukse* 'мучная болтушка для похлебки, крошево', фин. *siurus* 'то же') [Фасмер 3. 808]. «Худое» в данном случае характеризуется как нечто мелкое, небольшое (по объему).

Таким образом, за редким исключением концепт 'худой' сложился на русской почве. Иноязычное влияние на формирование данного концепта практически отсутствует: оно наблюдается в случае контакта русского и местного населения либо под влиянием письменного литературного языка.

Обратимся теперь к типам первичной мотивации для русских диалектных прилагательных со значением 'худой', посмотрим, с какими признаками ассоциировалась худоба в наивном языковом сознании. По словам Ж. Ж. Варбот, «основным методом систематизации семантического анализа в этимологии является ориентация на типы первичной мотивации, представленные в лексемах определенной лексической группы или лексемах с определенным значением»³². Под первичной мотивацией имеется в виду ближайший семантический предшественник – источник значения.

Прилагательные с семантикой худобы можно разграничить на основе как формальной, так и семантической деривации. Среди анализируемых прилагательных есть производные от глаголов и от существительных, но с другими значениями, от которых позже было образовано 'худой'.

Некоторые анализируемые нами слова со значением 'худой' в русских говорах были образованы от других прилагательных, уже входящих в семантическое поле худобы. В диалектах таких слов немного, например, от *сухой*: *подсухий*, *сухоребрый*, *сухящий* и др., от *тонкий*: *истонкой* *тонцлявый* *тончлявый*, от *моделый* – *замodelый* и некоторые другие.

Основная же часть анализируемых нами лексем приобрела значение худобы тела в результате семантической деривации (метафоры и метонимии).

1. Метонимический перенос

'Малый, небольшой, невысокий': *дробный*, *дрязгий*, *пиглявый*, *плевый*, *сурусной*; *недодяглый* (*недяглый*), *недородный* (здесь подразумевается смысл 'маленький, невыросший, плохо растущий').

'Пустой': *безжизотный*, *безнутрый*, *бескишечный* (т. е. 'без внутренностей'), *тощий*. Ср. также диал. прилагательное *пустой* 'худой' (о животном).

³² Варбот Ж. Ж. К этимологии славянских прилагательных со значением 'быстрый'. III // Этимология. 1994–1996. М., 1997. С. 35.

‘Высокий, вытянувшийся, длинный, большой’: *будылястый, галямый, голенастый, жсаровый, жсигулистый, истяжной, озойный, прогонистый*.

‘Костлявый, с выступающими костями’: *костливый, костоватый, кошавельный, кощавый, мослистый* (и другие однокорневые).

‘Бледный’: *блеклый, сизый*.

‘Слабый, больной’: *млявый, модельей, модяжный, замодельей, морной, непорнящий* (в смысле ‘слабый, не находящийся в поре, силе’), *пошибенный, чаврый*.

‘С отсутствием жира, не жирный’: *либивый, постный*.

‘Дошедший до истощения’: *дошлый, изморливый, морной*.

2. Метафорический перенос

‘Умерший, мертвый’: *(с)дохлый, колетый, палый, смёртный*. Данный переход значения, с нашей точки зрения, можно толковать двояко: во-первых, как метонимический, во-вторых, как метафору (‘худой’ как будто ‘мертвый’).

‘Поджатый, подтянутый’: *подбористый, поджамший, подфилый*.

‘Сухой, засохший’: *закорузлый, сухой* и однокорневые прилагательные. Сюда же отнесем ‘лишенный жидкости, жизненных соков’: *испитой, испитущий*.

‘Кривой, изогнутый’: *вихлявый, подвихлый*.

‘Ветхий, старый, разодранный’: *ветошный, лахудрый*.

‘Жареный’: *жареный, поджаристый, поджарый*.

‘Некрасивый’: *незрачный*.

Заканчивая обзор моделей семантического переноса, по которым образуются прилагательные со значением худобы в русских говорах, подчеркнем, что данная статья не содержит полного перечня всех моделей, а лишь намечает наиболее характерные схемы семантических типов, которые порождают значение ‘худой’. На данном этапе исследования мы пока затрудняемся выделить все типы первичной мотивации для переносного значения ‘худой’ на материале всего корпуса исследуемых прилагательных. Так, например, сложно выяснить первичную мотивацию для таких слов, как *лященный, незадеквинный, подцигаристый* и некоторых других. Следует также добавить, что в целом является затруднительным определение первичной мотивации в тех случаях, когда анализируемое значение выступает в комплексе адъективных значений, из которых несколько могут быть источником для ‘худой’. В таком случае «более реально рекон-

струкция не первичной мотивации, а семантического окружения. фона, который может порождать семантику...»³³.

Итак, значение 'худой' может быть результатом как метафорического переноса, так и метонимического. Соотношение этих двух моделей примерно равное. В этих двух способах переноса значений отражаются различные пути осмысления концепта 'худой' носителями языкового диалектного сознания. В результате получается, что данный концепт формировали признаки, характеризующие худобу с точки зрения объема, размера, отсутствия внутренней наполненности, неэстетичности внешнего вида (как следствие нездоровья, сходства с мертвым человеком) и т. д., т. е. в основном признаки отрицательного характера, кроме 'поджатый, подтянутый'.

С целью более точно продемонстрировать специфику диалектного варианта концепта худобы сопоставим развитие данной ЛСГ прилагательных в русском литературном языке и диалектной системе. Если в литературном языке происходит расщепление концепта худобы на 'избыточно худой' и 'худой в пределах нормы', о чем свидетельствует наличие двух по-разному оценивающих худобу человека синонимических рядов *худой, тощий, костлявый, исхудалый* и *худощавый, поджарый, сухой, сухощавый* [СС 2, 400–403 и другие словари синонимов], то в говорах такой процесс не наблюдается, и настоящий признак в сознании носителей диалектов оценивается в основном ниже нормы. Исключение составляет очень небольшое число лексем, например, *подбористый* 'худощавый' и 'аккуратный, подтянутый' (Яросл) [СРНГ 9, 84], *жаровый* 'высокий, стройный' и 'худощавый' (Пск, С-Двин и др.) [СРНГ 27, 343] и некоторые другие, положительно характеризующие худощавое телосложение человека.

Различие вариантов концепта худобы в диалектной системе и в литературном языке проявляется и в количественном плане: говорам известно гораздо большее число прилагательных со значением 'худой'. Многие исследователи (Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, Т. М. Николаева и др.) подчеркивали, что негативные явления в языке (к которым относим и признак худобы тела) больше маркируются, чем положительные. Когнитивный подход в лингвистике высветил тенденцию обозначать наиболее важные для носителей языка явления большим числом слов. Так, Т. М. Николаева в статье «Качественные прилагательные и отражение картины мира» подчеркивает, что при характеристике какого-либо явления через атрибуты «носители языка имеют представление о норме, более того, сценарий мировых событий должен быть позитив-

³³ Варбот Ж. Ж. К этимологии славянских прилагательных со значением 'быстрый'. III // Этимология. 1994–1996. М., 1997. С. 35.

ным, негативное и отклоняющееся от нормы маркируется»³⁴. Итак, концепт 'худой' по-разному преломляется в сознании носителей литературного русского языка и диалектного языкового сознания, что связано с их различным образом жизни, уровнем образования, бытовым укладом.

Подводя итоги, отметим, во-первых, еще раз, что худоба тела оценивается носителями диалектов как явление отрицательное. Во-вторых, следует говорить о позднем и местном характере подавляющего большинства исследуемых лексем, их вторичном, переносном характере. Таким образом, можно сделать вывод, что концепт 'худой' в русском диалектном языке сформировался в полном объеме достаточно поздно.

Е. И. Якушкина
Москва

Аксиологическая трактовка 'скромного' и 'постного' в свете диалектных данных³⁵

Признаки 'скромный' и 'постный' принадлежат к числу наиболее аксиологически «нагруженных» и аксиологически «многозначных» пищевых признаков. Это вызвано тем, что семантика скромного и постного формируется на стыке двух семантических полей – пищи и этики. В своем первом значении слова *скромный* и *постный* и их инославянские эквиваленты – это ключевые термины народной кулинарии³⁶, которые дают субстанциональную характеристику пищи ('содержащий жир' и 'без животных жиров'). Во втором значении *скромный* и *постный* – это ключевые термины христианской этики, которые дают пище идеологическую характеристику ('пища, запрещенная во время поста' и 'разрешенная пища'). Эти значения сопровождается аксиологически противоположный набор коннотаций: в семантическом поле пищи 'скромное' подчиняется тем же механизмам аксиологизации, что и пища вообще и важнейшие пищевые продукты³⁷, а в сфере этики, напротив, соотносится с «неправильным» и «нечистым».

Первый оценочный ряд, сопровождающий оппозицию 'скромный' – 'постный', основан на осмыслении скороми как «пищевой» нормы и

³⁴ Николаева Т. М. Качественные прилагательные и отражение «картины мира» // Славянское и балканское языкознание: Проблемы лексикологии. М., 1983. С. 236.

³⁵ Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ № НШ-2141.2003.6.

³⁶ «Народ делит пищу на *постную* и *скромную*» [Ђорђевић Др. М. Живот и обичаји народни у Лесковачкој Морави. Београд, 1958 [СЕЗ, књ. 70]. С. 113].

³⁷ Ср. хорв. *blagovat* [Hraste I, 54] 'есть' от *blag* 'хороший, ценный', рус. *хлебный* 'выгодный, доходный' [Даль² 4, 553].